

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

ISSN: 2073-9745

E-ISSN: 2310-0028

Vol. 42, Is. 4, pp. 1164-1172, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 341.241.17:303.446.4

The History of the Northern Frontier Delimitation (1822–1826) in the Light of the Russian and European Historiography: the Interpretation and Perceptual Problems

Konstantin S. Zaikov ^{a, *}^a Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Russian Federation

Abstract

The article presents a historiographical review of the Russian and European studies on the delimitation history of the Northern Frontier of Russia and Sweden-Norway in the period from 1822 to 1826, gives the complex reconstruction of the decision-making process in the final stage of the delimitation project of the Russian-Norwegian border of 1825–1826. The belief in the existence of a long-term Norway strategy to expand to the East is dominated in the Russian historiography. Russian historians politicise the evaluation of the 1826 Delimitation Convention as well as their predecessors in the early 20th century, who considered the results of the delimitation as unfair. At the same time Norway traditionally treats the Delimitation Convention as a fair act of institutionalizing of the boundaries of the once common ownership. The reconstruction of the final stage of the negotiations between Saint Petersburg and Sweden-Norway in 1826, presented by the author, shows the key role of the Russian emperors in the decision-making process. Alexander I, guided by the "Neighbourhood Policy" with respect to Sweden-Norway, formulated the contradictory and unclear instructions to V.E. Galyamin, the Head of the Russian delegation of the joint demarcation commission. This predetermined the contradictory nature of the delimitation project prepared in 1825. Nicholas I inherited the border issue after his brother's death, decided to follow the "Neighbourhood Policy" and made territorial concessions in favor of the united kingdoms, despite the much-criticised Galyamin – Spork project in the General Staff.

Keywords: history, border, historiography, Russian-Norwegian relations, northern frontier, general districts, Sami.

1. Введение

Как правило, факт демаркации границы – компромисс двух сторон, которые не всегда приобретают выгоду. Почти всегда скрытое или явное недовольство результатами разграничения постепенно переходит в плоскость последующих научно-исторических и политических дискуссий, сопровождаемых попытками отдельных политических акторов исправить существующие рубежи.

Идентичные процессы наблюдались и после установления российско-норвежского участка российско-шведской границы в 1826 году. Противоречивость ее архитектуры еще в XIX – нач. XX вв. не прошла незамеченной мимо региональной и национальной общественно-научной мысли Норвегии и России. Процессы национальной и региональной консолидации, наблюдаемые в это время, подтолкнули историческую публицистику и науку к истории российско-норвежского разграничения С.А. Подвысоцкого и А.О. Йонсена (Johnsen, 1923; А.П., 1877a: 6–7; А.П., 1877b: 5–6; А.П., 1877c: 3–4; А.П., 1877d: 5–6; А.П., 1877e: 6–7; А.П., 1877f: 3–4; А.П., 1877g: 6–7). Исследователи обеих стран пытались легитимировать политические границы и понять причины, побудившие элиты принять линию границы, предложенную совместной российско-шведско/норвежской делимитационной комиссией 1825 г.

Интерес к теме подогревался и неудовлетворенностью разграничением жителей Архангельского Севера, которые ощущали себя униженными результатами разграничения

* Corresponding author

E-mail addresses: k.zaikov@narfu.ru (K.S. Zaikov)

«двоеданных погостов» (наименование части территории Северного Фронтра, принятое в Российской Империи начала XIX в.). Многие представители региональной элиты, поморы, а также саамы считали часть погостов, перешедших к Норвегии, «исконно русскими землями», по небрежности уступленными Норвегии чиновниками (Зайков, 2012: 116–117). Такие настроения, подкрепляемые историческими изысканиями, во многом способствовали распространению в России начала XX в. идеи о возвращении утраченных земель, популярной не только в Архангельске, но и в Санкт-Петербурге (Ермолаев, 2006: 46–48).

Норвежские власти и общественность, обеспокоенные реваншистскими настроениями на Русском севере, также пытались доказать свои исторические права и легитимировать политическую границу (Johnsen, 1923). Неудивительно, что некоторые исследователи начала XX в. стали изучать историю российско-норвежского разграничения 1826 г. и делали попытки написать комплексную историю российско-норвежского пограничья (Зайков, 2012: 117–123). Однако под влиянием геополитических трансформаций на рубеже 1920-х гг. этот исторический спор решить не удалось.

2. Материалы и методы

Статья подготовлена на основе исторических документов, имеющих в Государственном архиве Архангельской области, Российском государственном историческом архиве, Архиве внешней политики Российской империи, Государственном архиве г. Осло (Норвегия), в том числе впервые вводимых в научный оборот. Методологическую основу анализируемого исторического материала составили мир-системный и функциональный подходы лимологии, признающие мультисубъектность и мультипространственность процесса территориализации физического пространства в исторической перспективе.

3. Обсуждение

Полемика, поднятая норвежскими и российскими учеными в начале XX в. об оценках процесса разграничения Северного Фронтра 1822–1826 гг., разгорается вновь в начале XXI в. Большое значение для всплеска интереса к теме сыграла динамика российско-норвежских отношений последних трех десятилетий, характеризующаяся переменным ростом сотрудничества и кооперации и одновременного соперничества в вопросе о разграничении в Баренцевом Море, который завершился подписанием договора о делимитации морской границы в 2010 г.

Часть российской общественности рассматривает новый пограничный трактат как территориальную потерю. Создается впечатление, что ситуация 1826 г. во многом повторилась вновь. Пытаясь понять мотивы норвежской внешней политики, исследователи ищут параллели в истории разграничения 1825–1826 гг. (Похлебкин, 1997: 48–61; Поваль, 2012: 1–26). Большинство авторов убеждены в существовании долговременной исторической стратегии Норвегии, которая направлена на экспансию в восточном (русском) направлении. Российские историки подвергают оценку конвенции 1826 г. чрезмерной политизации, повторяя идеи своих предшественников начала XX в.

В Норвегии сложилась историческая традиция восприятия договора как справедливого акта институционализации границ над некогда общим владением. В рамках этой традиции может показаться, что норвежские территориальные притязания не выглядят экспансивными в отношении России. В среде скандинавских историков долгое время доминировала теория, что Российская Империя, движимая идеей перманентных территориальных расширений, создавала угрозу норвежскому Финмарку, поэтому разграничение «общих округов» (норвежское наименование Северного Фронтра) явилось дипломатической сделкой, направленной на создание легитимных барьеров дальнейшей русской экспансии через норвежское заполярье в Западную Европу. Отметим, что противоречия между российскими и норвежскими историками-международниками и правоведами в интерпретации пограничной конвенции 1826 г. все еще доминируют в историографическом пространстве.

Дискуссии, развернувшиеся в рамках V международного исторического семинара в Петрозаводске 15–16 сентября 2015 года, о причинах, побудивших императорскую Россию одобрить делимитационный проект Галямина – Спорка 1825 г., который за исключением некоторых правок лег в основу текста российско-шведско/норвежской пограничной конвенции 1826 года, а также о роли подполковника В.Е. Галямина в процессе «творения границы» побудили автора данной статьи обратиться к освещению истории разграничения Северного Фронтра с целью дать российским исследователям всестороннее представление об истории изучения данного вопроса и внести ясность в ряд вопросов, поднимаемых коллегами-историками в отношении финальной стадии процесса разграничения общих российско-норвежских владений на Крайнем Севере.

4. Результаты

Наиболее полным трудом по истории российско-норвежского пограничья в хронологических рамках XIV–XIX вв. считалась монография норвежского историка О.А. Йонсена «Политическая История Финмарка», изданная в 1923 г. (Johnsen, 1923). Несомненная заслуга исследователя – введение в научный оборот большого количества источников: документов комиссий стортинга и финансового департамента, которые готовили разграничительные проекты, протоколов

делимитационной комиссии Галямина – Спорка 1825 г. и демаркационной комиссии Галямина – Мейландера 1826 г. (Johnsen, 1923: I–XX).

Главным фактором территориального межевания между Россией и Швецией-Норвегией в 1825–1826 гг. О.А. Йонсен считал изменение геополитической картины Северной Европы по окончанию наполеоновских войн, а также личностный фактор. Стратегическое партнерство России со Швецией с 1812 г. и крепкая дружба российского императора Александра I с кронпринцем, позже королем Карлом Йоханом, – две составляющие, которые, как полагал ученый, были главными причинами, побудившими императора пойти навстречу шведским предложениями о разграничении округов, несмотря на сопротивление архангельского губернатора С.И. Миницкого, выступавшего против «нового разграничения» (Johnsen, 1923: 236–239, 258). Эти выводы в дальнейшем нашли отражение в работах А. Лунда (Lunde, 1979), С. Викана (Wikan, 1995), А. Андресен (Andresen, 1989), Э. Ниemi (Niemi, 2005), Й.П. Нильсена (Нильсен, 1992; Nielsen, 2005), В.В. Рогинского (Roginsky, 2005; Рогинский, 2008). К идентичным выводам склоняются российские исследователи Б.В. Кристоман, А.С. Касиян (Касиян, 2008).

Дипломатическая история российско-норвежского разграничения 1823–1826 гг. частично была изучена в монографии шведского исследователя К.Ф. Пальмшерны, посвященной предпосылкам ноябрьского трактата 1855 г. (Palmstierna, 1932). Анализируя переписку шведских посланников с МИД королевства, исследователь реконструирует процесс дипломатических переговоров. Однако, сосредоточившись на центральных исторических персонажах, он существенно сужает влияние региональных и локальных акторов на переговорный процесс, ограничивая его Архангельском – Санкт-Петербургом с одной стороны и Христианией – Стокгольмом с другой стороны (Palmstierna, 1932: 223–235). Главным противником делимитации границы и инициатором сопротивления норвежско-шведской позиции К.Ф. Пальмшерна считает архангельского губернатора С.И. Миницкого, который в рапортах и личной беседе с главой российского МИД К.В. Нессельроде настаивал на существовании границы и систематически отвергал проекты разграничений, предлагаемые норвежской стороной (Palmstierna, 1932: 226–228, 230–231).

В отличие от российской историографии К.Ф. Пальмшерна считал, что позиция российских центральных властей в отношении норвежских предложений 1823 и 1824 гг. не была однородной и пронорвежской (Palmstierna, 1932: 223–227). Проанализировав депеши шведских посланников, К.Ф. Пальмшерна считал, что глава российского МИД К.В. Нессельроде поддерживал инициативы С.И. Миницкого (Palmstierna, 1932: 226–227). Ученый рассматривал в качестве ключевых факторов продвижения проектов норвежской стороны внешнеполитические линии Александра I и Николая I, направленные на поддержание добрососедства с королевством, а также дипломатический профессионализм посланников Швеции-Норвегии, которые, несмотря на контраргументы российской стороны, умело отстаивали интересы королевства в переговорный период (Palmstierna, 1932: 235).

Историк подчеркивал, что именно шведский дипломат Н.Ф. Пальмшерна в критические моменты летом 1824 г. и весной 1825–1826 гг., когда позиция короля была неустойчивой, отстаивал норвежские проекты разграничения (Palmstierna, 1932: 227–233). Весной 1826 г. Карл Йохан был готов принять план разграничения Николая I, который существенно сокращал линию границы проекта Галямина – Спорка до р. Паз и делал ее более естественной.

Колебания Александра I и Николая I исследователь объяснял скептическим отношением императоров к ценности спорного пространства и арестом подполковника В.Е. Галямина, который с декабря 1825 г. по январь 1826 г. находился под следствием по обвинению в участии в декабристском восстании. Показав противоречия центра и региона Российской Империи в процессе принятия решений, К.Ф. Пальмшерна не проанализировал и не сопоставил мнения Стокгольма и Христиании.

Наиболее значительной работой по истории пограничья в российской историографии стала публикация А. Подвысоцкого на страницах нескольких выпусков Архангельских Губернских Ведомостей за 1877 г. (А.П., 1877a; А.П., 1877b; А.П., 1877c; А.П., 1877d; А.П., 1877e; А.П., 1877f; А.П., 1877g). Методологический недостаток публикации А. Подвысоцкого – попытка автора понять мотивы центральных и региональных властей на основе достаточно узкого круга источников. Эмпирический подход к интерпретации источников сделал Подвысоцкого, как и Йонсена, пленником представлений регионально-локальных акторов о разграничении и пограничном пространстве. Воспринимая эти источники за неопровержимое объективное свидетельство, исследователь очевидно верил, что проблема промысловых миграций норвежских лопарей на территорию российских двоеданных погостов возникла лишь незадолго до начала переговоров о разграничении, а главными причинами неудачного разграничения стали отстранение архангельской администрации от процесса пограничных переговоров летом 1825 и 1826 гг. и недостаточное знание местности подполковником В.Е. Галяминым. Именно отстранение региональной администрации от переговорного процесса, по мнению А. Подвысоцкого, послужило причиной сопротивления региональной власти, которое нашло выражение в инициативах гражданского губернатора И.Я. Бухарина в 1828 г., пытавшегося инициировать пересмотр пограничной конвенции (А.П., 1877a: 6–7; А.П., 1877b: 5–6; А.П., 1877c: 3–4).

Российские дореволюционные работы по истории разграничения во многом повторяют предположения А. Подвысоцкого и исследователей Г.Ф. Гебеля, Н. Голубцова (Зайков, 2012: 119–123).

Основное их отличие – акцентирование на вопросах «кто виноват в несправедливом разграничении», «каковы мотивы виновников данного события». Краеведы пытались решить эти вопросы при помощи доступных материалов: легенд лопарей и дел губернского архива. Чрезмерный эмпиризм публикаций естественно привел к гипертрофированному восприятию пограничной политики центральных властей. Так, историк Н. Чулков пустил в оборот идею о подкупе подполковника В.Е. Галямина, возлагая на него вину за неудачное разграничение (Чулков, 1901). В.Н. Никольский полагал, что в одинаковой с В.Е. Галяминым степени был виноват «сын австрийского авантюриста» вице-канцлер К.В. Нессельроде, курировавший переговоры в МИД. Этой же позиции придерживались постсоветские исследователи В. Похлебкин (Похлебкин, 1997) и Р.А. Давыдов (Попов, Давыдов, 1999). Они влетали «хитроумную» игру шведского посланника Н.Ф. Пальмшерны, обманувшего императора (Попов, Давыдов, 1999: 19). Последний историк, хоть и не соглашается с мнением о подкупе подполковника, все же обвинял в равной степени офицера и центральные власти в несправедливом разграничении, ссылаясь на то, что архангельскую администрацию «не допустили к проверке границы», а центр, в свою очередь, не провел «предварительного, серьезного исследования». Другой архангельский краевед К.А. Чудинов, вводя в российский научный оборот инструкции, данные подполковнику Галямину, цитирует этот документ отрывочно. Отрывком инструкции, где полковнику вменяется «не отдавать тех мест, обитаемых нашими жителями» (Чудинов, 1992: 17), он «документально» подкрепляет позицию о небрежном разграничении.

Более странным путем пошла историк-правовед В.В. Ефимова, заложив конспиративную теорию о том, что «дистанцирование» Галямина от архангельской администрации могло быть продиктовано какими-то специальными и секретными предписаниями правительства (Ефимова, 2010: 71). Известно, что более обстоятельный труд К.Ф. Пальмшерны опровергает эти гипотезы дореволюционных и современных российских исследователей (Palmstierna, 1932: 231–232). По субъективным причинам эта монография не используется российскими историками для реконструкции переговорного процесса, как и источники центральных российских и скандинавских архивов. Действительным прогрессом в российской нордистике явилось частичное опровержением идеи о «продажности и небрежности» Галямина в публикациях профессора Института Всеобщей Истории РАН В.В. Рогинского, основанных на документах центральных архивов – инструкциях Александра I и вице-канцлера К.В. Нессельроде (Roginsky, 2005: 65–66; Рогинский, 2008: 27–29). Эти документы иллюстрируют достаточную противоречивость предписаний В.Е. Галямину. Делимитационные принципы включали взаимоисключающую формулу: «Не отторгать от России населенные места ранее ей принадлежавшие, вместе с тем, оставить за Норвегией населенные места на которые она предъявит бесспорные права» (Рогинский, 2008: 28), что свело к минимуму возможность удачного для русских лопарей разграничения. Так эти инструкции характеризуют и норвежские историки С. ВIKAN (Wikan, 1995: 54–55), А. Андресен (Andresen, 1989: 33).

Полный текст инструкций, переданных В.Е. Галямину, описание переговоров Галямина – Спорка и обсуждение проекта делимитации императорским и королевскими дворами в Санкт-Петербурге и Стокгольме подробно реконструированы автором данной статьи в коллективной монографии «Россия становится ближе. Норвегия и Россия 1814–1917» (Zaikov, Nielsen, 2014: 38–59).

Отметим, что согласно имеющимся сведениям, В.Е. Галямин, будучи летом 1825 года на территории российско-норвежского пограничья, не принимал участия в процессе натурной съемки границ территории общих округов и находился на территории Пазрецкого погоста (RA/UD, Prebensen samling, pakke 5212). Задача комиссии состояла именно в съемке территории спорных «общих округов» и их границ, а не российско-норвежской границы.

Тем не менее, существовала ли необходимость участия В.Е. Галямина в топографических работах при условии технического характера самой задачи и инструкции императора: «изучив местность и собрав все факты послужившие поводами для споров местного населения, выработать план разграничения и правила, которые бы могли положить конец возникшим спорам между российскими и норвежскими лопарями» (RA/PA-0409, VII)? В то время у Й.Х. Спорка уже были готовые проекты разграничения. Защита интересов коренного населения пограничья не являлась приоритетной задачей, и инструкции ясно предписывали полковнику, «если позволяет время исследовать конфликты между норвежскими и российскими подданными, но не отклоняясь от своей основной задачи – определения границ» (RA/UD, Prebensen samling, pakke 5213). Ответ очевиден: участия В.Е. Галямина не требовалось.

Во время проведения топографических работ, которыми занимались норвежские комиссары и солдаты Кольской гарнизонной команды, В.Е. Галямин собирал сведения о русском и норвежском населении спорной территории. Это подтверждают следующие документы: его рапорт от 1825 года (Zaikov, Nielsen, 2014: 50–53), а также рапорт от 1826 года, подготовленный по итогам второй поездки на границу вместе с норвежским комиссаром Ф.В. Мейландером для проведения демаркационных работ и обсуждения судьбы промысловых прав саами (RA/PA-0409, X). Факт, что предложения, озвученные В.Е. Галяминым Ф.В. Мейландеру в 1826 г. относительно сохранения промысловых прав русских лопарей, повторяют требования нявдемских и пазрецких лопарей, выдвинутые сельскому заседателю Гусеву в 1827 г. (ГААО, Ф. 2, Оп. 4, Д. 399, Л. 27.) и исправнику Кривковичу в 1828 г.

(ГААО, Ф. 1, Оп. 3, Д. 1010, Л. 79об.), исчерпывающе свидетельствуют о том, что В.Е. Галямин был достаточно хорошо знаком с интересами русских лопарей.

Рис. Карта российских и норвежских делимитационных проектов 1824–1826 гг. Зеленая линия – проект разграничения губернатора С.И. Миницкого; желтая линия – старая граница, указанная скольтами; сиреневая линия – проект Финансового департамента (Швеция-Норвегия); фиолетовая линия – запасной проект комитета Стортинга; красная линия – основной проект комитета Стортинга

Первоисточники, доступные из Государственного архива Норвегии в г. Осло и Российского государственного военно-исторического архива нам помогут понять, как выглядел процесс принятия решения на финальной стадии переговорного процесса.

Отметим, что в ряде отечественных исследований К.А. Чудинова, Б.В. Кристоман и В.В. Ефимовой реконструкция данного этапа производится на основе справки Министерства финансов от 13 января 1895 г., подписанной С.Ю. Витте и хранящейся в фондах Российского государственного исторического архива (РГИА, Ф. 560, Оп. 28, Д. 520, Л. 1–11). Эта справка с кратким переводом более ранних оригинальных документов, подготовленная для международной комиссии о проверке лопарских тоней 1898–1899 гг., не подвергалась содержательной критике вышеперечисленными авторами и не сопоставлялась с первоисточниками.

Еще в 1825 году проект Галямина – Спорка был раскритикован непосредственным начальником русского комиссара главой Генштаба графом Иваном Ивановичем Дибичем, который предложил сместить границу на северо-запад и провести ее по р. Нейден. В итоге линия границы существенно сокращалась. 25 августа 1825 года он сообщил свои соображения графу К.В. Нессельроде (РГВИА, Ф. 38, Оп. 1, Д. 62, Л. 17-об. 17).

Вице-канцлер, приняв проект комиссаров за компромиссный вариант, отклонил соображения Дибича. 29 августа в летней резиденции императора Каменный остров он передал Александру I записку с предложением одобрить делимитационный проекта Галямина – Спорка (РА/РА-0409, IX). 1 ноября 1825 года император утвердил проект Галямина – Спорка и дал распоряжение проинформировать Н.Ф. Пальмшерну о согласии России подписать конвенцию о разграничении. Но 19 ноября 1825 года российский император скоропостижно скончался (Palmstierna, 1932: 233–234).

Вопрос был реанимирован лишь в 1826 году. В марте того года Николай I, не отказавшись полностью от проекта Галямина – Спорка, все же высказал соображение, что границу надо сделать закрытой для подданных и более естественной, отодвинув на запад, проведя от Пазрецкой губы вверх по р. Паз (Palmstierna, 1932: 234–235). Влияние на решение молодого императора, мы полагаем, скорее всего оказал граф И.И. Дибич, высказывавшийся ранее против проекта В.Е. Галямина. Еще 15 марта он передал императору записку о «Разграничении Русской и Шведской Лапландии», найденную среди личных бумаг в кабинете умершего императора и составленную по материалам, собранным губернатором С.И. Миницким в 1824 году. К ней граф приложил записку с собственными

соображениями по проекту делимитации, ранее озвученными К.В. Нессельроде (RA/PA-0409, VI-1B). Поэтому всеподданнейший доклад, представленный графом Нессельроде 30 марта 1826 г. и переданный в этот же день Н.Ф. Пальмшерне, все же содержал решение императора Николая I (РГИА, Ф. 560, Оп. 28, Д. 520, Л. 11), а не вице-канцлера, который, несмотря на поддержку архангельского губернатора С.И. Миницкого в 1823–1824 гг., дал положительный отзыв на проект Галямина – Спорка летом 1825 г.

1 апреля Н.Ф. Пальмшерне на встрече с вице-канцлером сообщил, что «не может согласиться с приведенными последними доводами императора (в справке С.Ю. Витте после слова «доводами» слово «император» отсутствует), что проведение границы в том направлении как оно определено комиссарами представляется необходимым для обеспечения топливом и пастбищами пограничных лопарей норвежских подданных» (RA/S-1076/F/Fb/L0001; РГИА, ф. 560, оп. 28, д. 520, л.11).

Королевское правительство было обескуражено российским отказом от предыдущих договоренностей, но посчитало, что пограничный договор на принципах Николая I будет лучшим вариантом, чем его отсутствие или очередное затягивание переговоров (RA/S-1076/F/Fb/L0001). Мы полагаем, что это особенно было важно в условиях туманности внешнеполитической линии николаевской России.

Судьба границы находилась в руках русских, и шведский двор готов был пойти на уступки, но ситуация вдруг круто изменилась. 22 апреля 1824 года Пальмшерне получил депешу с решением королевского правительства принять предложения Николая I и просьбой оставить на десять лет за гарнизоном Вардехуса права рубки леса по восточной стороне р. Паз с последующим продлением этого права (RA/S-1076/F/Fb/L0001). Прежде чем Н.Ф. Пальмшерне решил озвучить согласие шведского правительства, Император неожиданно поменял свое прежнее мнение, посчитав важным придерживаться сложившейся еще в период правления своего брата политики добрососедства. Как бы внезапно согласившись с проектом Галямина – Спорка, Николай I сделал довольно удачный дипломатический шаг. Своим одобрением он дал понять Карлу Йохану, что Россия в знак сохранения дружбы делает уступку Швеции-Норвегии и надеется в будущем на такую же политику королевского двора в отношении России.

Уже 24 апреля 1824 года К.В. Нессельроде пригласил посланника на конференцию и сообщил Н.Ф. Пальмшерне, что «Его Императорское Величество уполномочил ... сообщить Вам, что Они желают подарить Королю эту уступку как новый знак Его дружбы» (RA/EA-4036/H/Hc/L002). Вице-канцлер добавил, что российский император согласен со всеми принятыми годом ранее решениями, но с поправками, которые были внесены в текст конвенции, подготовленной в апреле – мае 1826 года (RA/EA-4036/H/Hc/L002).

29 апреля шведский дипломат отрапортовал в Стокгольм: «Я с превеликим удовольствием имею честь довести до Вашего сведения, Ваше Превосходительство, что я имею возможность рассматривать дело о Лапландии завершенным» (RA/EA-4036/H/Hc/L002).

5. Заключение

Обобщая выводы современных российских исследований, можно выделить их четкую преемственность с дореволюционными историками, краеведами в методологическом и фактуальном плане. В подавляющем большинстве трудов вопрос о статусе «двоеданных погостов» выглядит надуманной проблемой соседствующих держав, стремящихся к территориальным экспансиям на Русский Север. Не вникая в дипломатическую предысторию XVIII – первой трети XIX вв., исследователи, исключая В.В. Рогинского, начинают излагать проблему разграничения с 1822 г., игнорируя историческую преемственность с предыдущим столетием. В такой упрощенной интерпретации доказательная база губернатора С.И. Миницкого, представленная в 1823–1824 гг., выглядит с исторической позиции убедительной. Формируется представление, что Норвегия не имела легитимных притязаний на спорное пространство и Кольский полуостров, о чем упоминал А.О. Йонсен.

В представленной реконструкции с опорой на российские и зарубежные источники мы продемонстрировали, что Александр I, пытавшийся защитить интересы коренных русских подданных и в то же время соблюсти интересы Швеции-Норвегии, в итоге дал подполковнику В.Е. Галямину противоречивые инструкции. Подполковник, связанный, как говорится, по рукам и ногам, был вынужден по многим позициям уступить норвежскому переговорщику, который так же как и Галямин, используя принцип хозяйственной оккупации, успешно доказал справедливость территориальных притязаний норвежских подданных.

Несмотря на сомнение в справедливости проекта Галямина – Спорка, высказанное главой генерального штаба И.И. Дибичем и поддержанное поначалу Николаем I, император сделал выбор в пользу большой политики и уступил Швеции-Норвегии часть спорной территории, на которой проживали российские подданные – «нявдемские и пазрецькие лопари».

6. Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 15-18-00104 «Российская Арктика: от концептуализации к эффективной модели государственной этнонациональной политики в условиях стабильного развития регионов»).

Литература

- А.П., 1877a** – *А.П.* Русско-норвежское пограничье // Архангельские Губернские Ведомости. 1877. № 96. С. 6–7.
- А.П., 1877b** – *А.П.* Русско-норвежское пограничье // Архангельские Губернские Ведомости. 1877. № 97. С. 5–6.
- А.П., 1877c** – *А.П.* Русско-норвежское пограничье // Архангельские Губернские Ведомости. 1877. № 98. С. 3–4.
- А.П., 1877d** – *А.П.* Русско-норвежское пограничье // Архангельские Губернские Ведомости. 1877. № 99. С. 5–6.
- А.П., 1877e** – *А.П.* Русско-норвежское пограничье // Архангельские Губернские Ведомости. 1877. № 100. С. 6–7.
- А.П., 1877f** – *А.П.* Русско-норвежское пограничье // Архангельские Губернские Ведомости. 1877. № 101. С. 3–4.
- А.П., 1877g** – *А.П.* Русско-норвежское пограничье // Архангельские Губернские Ведомости. 1877. № 102. С. 6–7.
- АВПРИ** – Архив внешней политики Российской империи.
- ГААО** – Государственный архив Архангельской области.
- Ермолаев, 2006** – *Ермолаев Д.А.* Приграничные отношения в районе Западного Мурмана во второй половине XIX – начале XX веков. Проблемы границы и колонизации // Вестник «Баренц-Центра» МПГУ. 2006. № 5. С. 45–59.
- Ефимова, 2012** – *Ефимова В.В.* Генерал–губернаторы Европейского Севера и русско–норвежская конвенция 1826 г. // Живущие на Севере. 2010. № 1. С. 65–78.
- Зайков, 2012** – *Зайков К.С.* Пограничная конвенция 1826 г. в отечественной историографии XIX–XXI вв. // Россия и Норвегия. Вопросы отечественного источниковедения и историографии (XIX–XXI вв.). Под ред. Комарова А.А. Москва. 2012. С. 112–131.
- Касиян, 2008** – *Касиян А.С.* Лапландский вопрос в российско–норвежских отношениях: разграничение 1826 г. и его последствия в начале XX в. // Международные отношения на Севере Европы и Баренцев регион: история и историография: сборник научных статей. Отв. ред. Ю.П. Бардилова. Мурманск. 2008. С. 141–149.
- Нильсен, 1992** – *Нильсен Й.П.* Хорошие соседи. Норвежцы и русские на Севере. 1826–1917. Осло. 1992.
- Поваль, 2012** – *Поваль Л.М.* Российско-норвежское соглашение о разделе арктических пространств // Арктика и Север. 2012. № 6. С. 110–133.
- Попов, Давыдов, 1999** – *Попов Г.П., Давыдов Р.А.* Мурман. Очерк истории края XIX – начала XX в. Екатеринбург. 1999.
- Похлебкин, 1997** – *Похлебкин В.* Россия первой признала норвежскую независимость // Международная жизнь. 1997. № 5. С. 48–61.
- РГВИА** – Российский государственный военно-исторический архив.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив.
- Рогинский, 2008** – *Рогинский В.В.* Конвенция 1826 г. о разграничении между Норвегией и Россией как дипломатическая проблема // Вестник «Баренц-Центра» МПГУ. Мурманск. 2008. № 7. С. 25–30.
- Чудинов, 1992** – *Чудинов К.А.* Конвенция о русско–норвежской границе 1826 г. // Россия и Норвегия. История и культура. Под ред. А.А. Куратова. Архангельск. 1992. С. 16–19.
- Чулков, 1901** – *Чулков Н.* К истории разграничения России с Норвегией. Москва. 1901.
- Andresen, 1989** – *Andresen A.* Siidaen som forsvant. Østsamene i Pasvik etter den norsk-russiske grensetrekningen i 1826. Kirkenes. 1989.
- Johnsen, 1923** – *Johnsen O.A.* Finmarkens politiske historie aktmæssing fremstillet Skrifter utgitt av Det norske videnskapsakademi i Oslo, II, Hist. fil. klasse. Kristiania. 1923.
- Lunde, 1979** – *Lunde A.* Sør Varanger Historie. Kirkenes. 1979.
- Nielsen, 2005** – *Nielsen J.P.* Some Reflections on the Norwegian-Russian Border and the Evolution of State Border in General // T.N. Jackson, J.P. Nielsen. Russia-Norway. Physical and Symbolic Borders. Moscow. 2005. Pp. 7–16.
- Niemi, 2005** – *Niemi E.* Etnisitet, nasjonalitet og grenseforhold i det nordligste Skandinavia fram til vår tid / S. Imsen. Grenser og grannelag i Nordens historie. Oslo. 2005. Pp. 387–415.
- Palmstierna, 1932** – *Palmstierna C.F.* Sverige, Ryssland och England 1833–1855. Krig Novembertraktatens Förutsättningar. Stockholm. 1932.
- RA** – State archive in Oslo.

Roginsky, 2005 – *Roginsky V.V.* The 1826 Delimitation Convention between Norway and Russia: A Diplomatic Challenge // T.N. Jackson, J.P. Nielsen. *Russia-Norway. Physical and Symbolic Borders*. Moscow, 2005. Pp. 62–68.

Wikan, 1995 – *Wikan S.* Grensebygda Neiden. Møte mellom folkegrupper og kampen om ressursene. Svanvik, 1995.

Zaikov, Nielsen, 2014 – *Zaikov K., Nielsen J.P.* Mot en ny grense: Traktaten av 1826 // J.P. Nielsen. *Russland kommer nærmere: Norge og Russland, 1814–1917*. Oslo, 2014. Pp. 38–59.

References

A.P., 1877a – *A.P.* Russko-norvezhskoe pogranich'e [Russian-Norwegian borderland] // *Arkhangel'skie Gubernskie Vedomosti* [Arkhangelsk Provincial Gazette], 1877, no. 96, pp. 6–7 [in Russian].

A.P., 1877b – *A.P.* Russko-norvezhskoe pogranich'e [Russian-Norwegian borderland] // *Arkhangel'skie Gubernskie Vedomosti* [Arkhangelsk Provincial Gazette], 1877, no. 97, pp. 5–6 [in Russian].

A.P., 1877c – *A.P.* Russko-norvezhskoe pogranich'e [Russian-Norwegian borderland] // *Arkhangel'skie Gubernskie Vedomosti* [Arkhangelsk Provincial Gazette], 1877, no. 98, pp. 3–4 [in Russian].

A.P., 1877d – *A.P.* Russko-norvezhskoe pogranich'e [Russian-Norwegian borderland] // *Arkhangel'skie Gubernskie Vedomosti* [Arkhangelsk Provincial Gazette], 1877, no. 99, pp. 5–6 [in Russian].

A.P., 1877e – *A.P.* Russko-norvezhskoe pogranich'e [Russian-Norwegian borderland] // *Arkhangel'skie Gubernskie Vedomosti* [Arkhangelsk Provincial Gazette], 1877, no. 100, pp. 6–7 [in Russian].

A.P., 1877f – *A.P.* Russko-norvezhskoe pogranich'e [Russian-Norwegian borderland] // *Arkhangel'skie Gubernskie Vedomosti* [Arkhangelsk Provincial Gazette], 1877, no. 101, pp. 3–4 [in Russian].

A.P., 1877g – *A.P.* Russko-norvezhskoe pogranich'e [Russian-Norwegian borderland] // *Arkhangel'skie Gubernskie Vedomosti* [Arkhangelsk Provincial Gazette], 1877, no. 102, pp. 6–7 [in Russian].

Andresen, 1989 – *Andresen A.* Sii'daen som forsvant. Østsamene i Pasvik etter den norsk-russiske grensetrekningen i 1826. Kirkenes, 1989.

AVPRI – Arkhiv vneshnei politiki Rossiiskoi imperii [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire] [in Russian].

Chudinov, 1992 – *Chudinov K.A.* Konventsiya o russko-norvezhskoi granitse 1826 g. [The 1826 Convention on the Russian-Norwegian border] // *Rossiya i Norvegiya. Istoriya i kul'tura* [Russia and Norway. History and culture]. Ed. by A.A. Kuratov. Arkhangelsk, 1992, pp. 16–19 [in Russian].

Chulkov, 1901 – *Chulkov N.* K istorii razgranicheniya Rossii s Norvegiei [On the demarcation history between Russia and Norway]. Moscow, 1901 [in Russian].

Efimova, 2012 – *Efimova V.V.* General-gubernatory Evropeiskogo Severa i russko-norvezhskaya konventsiya 1826 g. [Governor-General of the European North and the 1826 Russian-Norwegian Convention] // *Zhivushchie na Severe* [People living in the North], 2010, no. 1, pp. 65–78 [in Russian].

Ermolaev, 2006 – *Ermolaev D.A.* Prigranichnye otnosheniya v raione Zapadnogo Murmana vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vekov. Problemy granitsy i kolonizatsii [Cross-border relations in Western Murman in the latter half of the 19th – early 20th centuries. Problems of borders and colonization] // *Vestnik "Barents-Tsentra" MPGU* [Bulletin of the Barents Center of MSHU], 2006, no. 5, pp. 45–59 [in Russian].

GAO – Gosudarstvennyi arkhiv Arkhangel'skoi oblasti [State archive of the Arkhangelsk region] [in Russian].

Johnsen, 1923 – *Johnsen O.A.* Finmarkens politiske historie aktmæssing fremstillet Skrifter utgitt av Det norske videnskapsakademi i Oslo, II, Hist. fil. klasse. Kristiania, 1923.

Kasiyan, 2008 – *Kasiyan A.S.* Laplandskii vopros v rossiisko-norvezhskikh otnosheniyakh: razgranichenie 1826 g. i ego posledstviya v nachale XX v. [Lapland issue in the Russian-Norwegian relations: the 1826 delimitation, and its implications in the early 20th century] // *Mezhdunarodnye otnosheniya na Severe Evropy i Barentsev region: istoriya i istoriografiya: sbornik nauchnykh statei* [International relations in Northern Europe and the Barents Region: history and historiography: collection of scientific papers]. Ed. by Yu.P. Bardileva. Murmansk, 2008, pp. 141–149 [in Russian].

Lunde, 1979 – *Lunde A.* Sør Varanger Historie. Kirkenes, 1979.

Nielsen, 2005 – *Nielsen J.P.* Some Reflections on the Norwegian-Russian Border and the Evolution of State Border in General // T.N. Jackson, J.P. Nielsen. *Russia – Norway. Physical and Symbolic Borders*. Moscow, 2005, pp. 7–16.

Niemi, 2005 – *Niemi E.* Etnisitet, nasjonalitet og grenseforhold i det nordligste Skandinavia fram til vår tid // S. Imsen. *Grenser og grannelag i Nordens historie*. Oslo, 2005, pp. 387–415.

Nil'sen, 1992 – *Nielsen J.P.* Khoroshie sosedi. Norvezhtsy i russkie na Severe 1826–1917. [Good neighbors. The Norwegians and the Russians in the North. 1826–1917]. Oslo, 1992 [in Russian].

Palmstierna, 1932 – *Palmstierna C.F.* Sverige, Ryssland och England 1833–1855. Krig Novembertraktatens Förutsättningar. Stockholm, 1932.

Pokhlebin, 1997 – *Pokhlebin V.* Rossiya pervoi priznala norvezhskuyu nezavisimost' [Russia was the first to recognize the independence of Norway] // *Mezhdunarodnaya zhizn'* [International Affairs], 1997, no. 5, pp. 48–61 [in Russian].

Popov, Davydov, 1999 – Popov G.P., Davydov R.A. Murman. Oчерk istorii kraя XIX – nachala XX v. [Murman. The outline of the history of the territory in the 19th – early 20th centuries]. Yekaterinburg, 1999 [in Russian].

Poval', 2012 – Poval' L.M. Rossiisko-norvezhskoe soglashenie o razdele arkticheskikh prostranstv [Russian-Norwegian agreement about the division of the Arctic space] // Arktika i Sever [Arctic and North], 2012, no. 6, pp. 110–133 [in Russian].

RA – State archive in Oslo.

RGIA – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskikh arkhiv [Russian State Military Historical Archive] [in Russian].

RGVIA – Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive] [in Russian].

Roginskii, 2008 – Roginskii V.V. Konventsiiya 1826 g. o razgranichenii mezhdū Norvegiei i Rossiei kak diplomatičeskaya problema [The 1826 Delimitation Convention between Norway and Russia: a diplomatic challenge] // Vestnik "Barents-Tsentra" MPG U [Bulletin of the Barents Center of MSHU], 2008, no. 7, pp. 25–30 [in Russian].

Roginsky, 2005 – Roginsky V.V. The 1826 Delimitation Convention between Norway and Russia: A Diplomatic Challenge // T.N. Jackson, J.P. Nielsen. Russia – Norway. Physical and Symbolic Borders. Moscow, 2005, pp. 62–68.

Wikan, 1995 – Wikan S. Grensebygda Neiden. Møte mellom folkegrupper og kampen om ressursene. Svanvik, 1995.

Zaikov, Nielsen, 2014 – Zaikov K., Nielsen J.P. Mot en ny grense: Traktaten av 1826 // J.P. Nielsen. Russland kommer nærmere: Norge og Russland, 1814–1917. Oslo, 2014, pp. 38–59.

Zaikov, 2012 – Zaikov K.S. Pograničnaya konventsiiya 1826 g. v otečestvennoi istoriografii XIX–XXI vv. [The 1826 Delimitation Convention in the national historiography of the 19th – 20th centuries] // Rossiya i Norvegiya. Voprosy otečestvennogo istočnikovedeniya i istoriografii (XIX–XXI vv.) [Russia and Norway. The problems of domestic source study and historiography (19th – 20th centuries)]. Ed. by A.A. Komarova. Moscow, 2012, pp. 112–131 [in Russian].

УДК 341.241.17:303.446.4

История разграничения Северного Фронтра (1822–1826 гг.) в свете российской и европейской историографии: проблемы интерпретации и восприятия

Константин Сергеевич Зайков^{а, *}

^а Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Российская Федерация

Аннотация. В статье представлен историографический обзор российских и европейских исследований, посвященных истории разграничения Северного Фронтра России и Швеции-Норвегии в период с 1822 по 1826 гг., дана комплексная реконструкция процесса принятия решений на финальной стадии обсуждения делимитационного проекта российско-норвежской границы 1825–1826 гг. Автором обозначены проблемы современных исторических исследований, посвященных истории разграничения Северного Фронтра. В российской историографии доминирует убеждение в существовании долговременной стратегии Норвегии, направленной на экспансию в восточном (русском) направлении. Российские историки подвергают оценку пограничной конвенции 1826 г. чрезмерной политизации, как и их предшественники в начале XX в., считавшие итоги разграничения несправедливыми. В то же время в Норвегии сложилась историческая традиция восприятия пограничной конвенции как справедливого акта институционализации границ над некогда общим владением. Реконструкция финальной стадии переговоров между Санкт-Петербургом и Швецией-Норвегией в 1826 году, представленная автором статьи, свидетельствует о ключевой роли императоров с российской стороны в процессе принятия решений. Александр I, руководствуясь «политикой добрососедства» в отношении Швеции-Норвегии, сформулировал противоречивые и неясные инструкции главе российской делегации совместной разграничительной комиссии В.Е. Галямину. Это предопределило противоречивый характер подготовленного в 1825 году делимитационного проекта. Получив пограничный вопрос в наследство после смерти брата, Николай I решил следовать «политике добрососедства» и, несмотря на критику проекта Галямина-Спорка в Генеральном штабе, сделал территориальную уступку в пользу объединенных королевств.

Ключевые слова: история, граница, историография, российско-норвежские отношения, северный фронтир, общие округа, саами.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: k.zaikov@narfu.ru (К.С. Зайков)